Игорь Марков

16+

Повесть о государевом слонопасе

Из серии "Портфель забытых воспоминаний"

Игорь Марков

Повесть о государевом слонопасе

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Марков И. В.

Повесть о государевом слонопасе / И. В. Марков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Жизнь человека может неожиданно измениться по причине от него совсем не зависящей. В середине XVII века персидский шах подарил русскому царю живого слона. Поселили экзотическое животное в Алевизовом рву на Красной площади. Доставил подарок в Москву персидский дрессировщик Фариз. В помощь ему для ухода за слоном царь Алексей Михайлович учредил специальную должность — государев слонопас. Что за история приключилась с молодым дворянином Никитой Мамонтовым — государевым слонопасом, его женой Лизой и красавцем персиянином, вы узнаете, прочитав эту повесть.

© Марков И. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Летом 1988 года в один из тёплых солнечных дней, когда только мягкий перестук колёс пригородных электричек нарушает послеобеденную дремоту дачных посёлков, кандидат технических наук Курочкин Борис Васильевич сделал самую удивительную в своей жизни находку, которая тянула, по его мнению, если не на Нобелевскую премию, то хотя бы на присвоение открытию имени автора.

Но не будем строго судить нашего героя и простим ему скороспелую научную ошибку. Всё-таки основной специальностью Бориса Васильевича была космическая баллистика – прикладная наука о движении космических тел, которая не имеет ничего общего с палеонтологией, изучающей древние окаменевшие организмы. А обнаруженные им на глубине двух метров под землёй гигантские кости были очень похожи на скелет динозавра, который недавно показали по телевизору в передаче «Очевидное и невероятное».

Корреспонденты Останкинского телецентра, приехавшие снимать репортаж об уникальной находке, привезли с собой настоящего учёного палеонтолога из Академии наук. Он внимательно изучил ископаемые останки и с сожалением засвидетельствовал, что это не скелет динозавра, а кости обычного слона, умершего примерно 300-400 лет тому назад, только почему-то без бивней.

Сенсация о подмосковном динозавре – «трицератопсе Курочкина», как его успел окрестить первооткрыватель, – не состоялась. Но загадка – откуда в подмосковной деревне XVII века мог взяться слон – осталась. Ведущий телевизионного репортажа попытался обратить несостоявшуюся новость в забавную шутку и даже вспомнил старый анекдот о том, что «Россия – родина слонов».

Однако, необычная находка вызвала интерес в среде научных и околонаучных журналистов, у которых по причине летнего отпускного периода отмечался недостаток интересных новостей.

Сразу вспомнили про мамонтов. Если условно предположить, что мамонт – это древний слон, то анекдот не кажется таким уж бессмысленным. Несколько тысяч лет назад большие стада волосатых животных действительно паслись на бескрайних просторах нашей будущей державы. Скелеты и даже целые замороженные туши мамонтов охотники постоянно находят в вечной мерзлоте северных районов и в Сибири. Костей иногда встречается так много, что Россию можно смело считать не только родиной, но и кладбищем травоядных гигантов. К сожалению, примерно 3500 лет тому назад последний мамонт умер на острове Врангеля, и подобные животные у нас больше не встречались, тем более в Московской области.

Первое историческое свидетельство о живом слоне в России относится к эпохе Ивана Грозного. О нём в своём письменном отчёте упоминает немецкий агент-наёмник Генрих фон Штаден, служивший несколько лет опричником при дворе московского царя.

Второй, по порядку упоминания, слон был замечен в Москве спустя примерно сто лет – во времена царствования Алексея Михайловича.

С восшествием на престол Петра Первого слоны в России стали появляться гораздо чаще. Ну а сегодня трудно встретить жителя большого города, который бы ни разу не видел живого слона в цирке или зоопарке.

Когда информационная шумиха вокруг древних костей утихла, и плёнку с телевизионным репортажем положили пылиться на останкинскую полку, собственное независимое исследование провёл краевед-любитель и коренной болшевский житель – Николай Кузьмич Тихонов. К сожалению оригинал статьи с результатами исследований был написан в единственном экземпляре шариковой ручкой в школьной тетради и пропал во время переезда его наследников на новую квартиру. Сохранилась только плохо читаемая и неполная ксерокопия. Изучив старинные архивные документы, краевед Тихонов высказал смелое предположение, что кости, найденные в конце 1980-х годов неподалёку от станции Болшево Ярославской железной дороги, являются скелетом слона под номером два – того самого, который в XVII веке

был подарен персидским шахом русскому царю и содержался в Москве на Красной площади в Алевизовом рву.

Древнее подмосковное село Болшево уже несколько сот лет стоит на высоком берегу некогда судоходной, но со временем обмелевшей реки. Его жители с давних времён зарабатывали на жизнь в основном отхожим промыслом и обслуживанием волока на водном пути из Клязьмы в Яузу и обратно. Густые сосновые леса, бедные подзолистые почвы и плохая погода традиционно мешали сельским труженикам получать хорошие урожаи со своих полей и огородов, и, возможно поэтому, болшевское население долгое время оставалось малочисленным.

Ситуация резко изменилась, когда стараниями местных предпринимателей выстроилась железнодорожная ветка от Мытищ до Щёлкова. Появились фабричные посёлки, а окрестные леса захватили московские дачники – особый тип людей, поведение которых подробно исследовано в рассказах А.П. Чехова.

Лет через тридцать-сорок подросли их дети и внуки, сформировалась новая устойчивая социальная группа – жители ближнего Подмосковья. Вроде бы и столичные на первый взгляд люди – многие из них каждый день выезжали на работу в Москву и даже занимали ответственные должности в государственных учреждениях, но в то же время – чуть-чуть деревенские, с лёгким едва уловимым провинциальным налётом. Опытный взгляд всегда отличит в толпе на перроне Ярославского вокзала тех, кто едет из Москвы на дачу, от тех, кто возвращается из города к себе домой.

Подмосковное население увеличивалось, появились многоэтажные дома, школы и магазины. Постепенно вокруг станции Болшево выстроился новый город – Королёв, знаменитый сегодня на весь мир своими космическими предприятиями и научно-исследовательскими институтами.

Ракеты регулярно запускались в космос, искусственные спутники вращались вокруг Земли, космонавты докладывали в ЦУП о новых свойствах гороха, выращенного на орбитальной станции, и благосостояние болшевцев-королёвцев неуклонно росло.

Перебравшись из стареньких деревянных дач в новые железобетонные квартиры с водопроводом и канализацией, они принялись покупать легковые автомобили и строить для них маленькие кирпичные домики – гаражи. Особенно ценились гаражи с подвалами. В подземных хранилищах можно было запасать на зиму картошку, квашеную капусту, солёные огурцы и другие съестные припасы на «чёрный день», о возможности которого жители по эту сторону от Московской кольцевой автодороги никогда не забывают, в отличие от легкомысленных обитателей Бульварного кольца и Сретенки.

Для некоторых автолюбителей гаражи стали ближе и дороже чем сами автомобили. Они оборудовали в них мастерские, углубляли и благоустраивали любимые подвалы. Особо увлечённые самодеятельные строители выкапывали под своим гаражом дополнительные погреба в два и даже в три уровня. Размещали в рукотворных подземельях не только складские помещения, но и культурно-развлекательные объекты с диванами, телевизорами и барными стойками, наподобие ночных клубов.

Одним из таких одержимых подвалокопателей и был наш несостоявшийся нобелевский лауреат старший научный сотрудник секретного космического НИИ кандидат технических наук Б.В. Курочкин.

На этом месте, дорогой читатель, я с ним распрощаюсь, так как дальнейший рассказ будет не о нём, а о его удивительной находке, случайно обнаруженной в глубинах древней Болшевской земли.

***

– Плывёт! Плывёт! – кричал мальчишка, размахивая руками. Он бежал вверх по Ленивому торжку, оставляя на пыльной дороге следы босых пяток.

– Кто плывёт-то? – окликнула его толстая тётка, поправляя пучки зелени, выставленные на продажу.

– Слон плывёт! – Мальчишка остановился и ткнул пальцем в сторону реки. – Прям по Москве плывёт! Сейчас к мосту подчалит!

– Какой ещё слон? – не поняла торговка.

– Вот такой! —мальчишка поднял обе руки кверху. – Большой! И ещё в сто раз больше! Вон, как ворота Всехсвятские, а то и выше ворот-то. Вот какой.

– Полоумный, – лениво подытожила толстуха и отвернулась.

Другие рыночные торговцы особого интереса к его выкрикам не проявили – мало ли в столице малахольных. Мальчишка развернулся и побежал обратно к берегу реки, где около наплавного «живого» моста торчали недостроенные опоры моста каменного.

Долгострой растянулся на несколько десятков лет. Указ о возведении каменной переправы через Москва-реку издал ещё родоначальник династии Романовых Государь, Царь и Великий князь всея Руси Михаил Фёдорович аж в 1643 году. Выписал для этой цели из вольного города Страсбурга иноземного мастера Ягона Кристлера. Но, к сожалению, не дождавшись окончания строительства, безвременно скончался через два года от водяной болезни неизвестного происхождения. Нашлись как всегда болтуны, которые распускали слухи, что кончина августейшей особы произошла не от какой-то там водянки, а по причине нездорового образа жизни: «многого сидения, холодного питья и меланхолии, сиречь кручины». Болтунов быстро вычислили, и крамольные разговоры пресекли. Народ московский ещё примерно с неделю пообсуждал новость и забыл.

Наследник престола – Алексей Михайлович признал проект путепровода слишком смелым и дорогим. Финансирование прекратил, стройку остановил, а москвичам и гостям столицы предоставил возможность ещё почти пятьдесят лет переправляться через реку по шаткому наплавному мосту.

Щурясь от яркого полуденного солнца, толстая торговка перекрестилась на ближний купол церкви Всех Святых, заученной скороговоркой попросила помощи и коммерческого благополучия у святого Спиридона Тримифунтского, после чего для надёжности обрызгала из деревянного ведёрка водой и без того свежую зелень и, обратившись к соседу, спросила:

– Слыхал, Степаныч? А что это полоумный про слона какого-то кричал?

Мужик, притащивший на Ленивку целый воз деревянной посуды, считался в торговом ряду наиболее образованным. Всё-таки не огородник-лапотник, а какой-никакой мастер. Мог и по столярному и по плотницкому делу сработать. А в молодости старался на Пушечном дворе, где ему довелось подсоблять самому Андрею Чохову, знаменитому литейщику – тому, который Царь-пушку отлил. Силён был старик в свои 80 лет, такую затрещину бестолковому мальцу отвесил, что до сих пор помнилось.

Степаныч почесал черенком деревянной ложки за ухом, как раз в том месте куда пришёлся памятный удар великого мастера и, выдержав для солидности паузу, которую лет через двести назовут «мхатовской», ответил:

– Слон – это такой зверь. Проживает в жарких странах. У нас таких зверей нет. Им тут холодно.

– А как же он в Москва-реку попал? – продолжала тётка.

– Никак он в реку попасть не мог.

– Но полоумный-то этот сказал, что плывёт?

Новая пауза и рассудительный ответ:

– Слон плавать не может. В жарких странах воды мало. Негде ему там плавать…

– А полоумный-то сказал?..

– Ну так он же полоумный… Он тебе ещё и не то скажет…

Из-за поворота дороги со стороны Чертольской улицы (недавно переименованной царским указом в Пречистенскую, дабы не смущать уста православных обывателей упоминанием имени козлоного беса, а нынешним читателям известной под названием Волхонка) послышался нестройный топот сапог. Сонное бормотание разомлевшего на солнышке Ленивого торга нарушил небольшой отряд стрельцов. Служивые шли строем по два, для порядка покрикивая на торгашей и требуя расширить проход. Торговцы, разместившие свои телеги по обе стороны короткой улицы, послушно отодвигали в сторону корзины и кадушки с товаром. Редкие покупатели прижимались ближе к возам, чтобы мимоходом не получить затрещину от какого-нибудь не в меру ретивого служаки. Довольно быстро середина Ленивки очистилась. Образовалась широкая дорога достаточная для проезда, если потребуется не одной, а даже двух повозок.

– Чагой-то, Степаныч? – спросила огородница.

– Не знаю, – ответил он, прибирая корзину с деревянными ложками подальше на телегу. – Едет, наверное, кто-то. Может, государь куда-нибудь собрался…

– Куда?

– Кто ж его знает. Может на охоту… Или на войну…

– Да нет, – откликнулся торговец рыбой. Он пучками крапивы старательно прикрывал плетёную корзину со свежим уловом. – На охоту он в Сокольники ездит, а война с поляками в другой стороне. Если только татары снова напали…

– Пронеси господи, и царица небесная защити и помилуй, – тихо запричитала огородница и стала быстро креститься. – Ещё татар нам только не хватало. И так торговли никакой нет. Зелень вон повяла совсем. – Она зачерпнула ковшиком воды и принялась брызгать морковку.

– Какие ещё татары, – лениво отозвался Степаныч. – Нет уж давно никаких татар. И Казань уж, почитай, сто лет как наша. Откуда им взяться татарам-то…

Приглядевшись внимательно, он заметил в стрелецком отряде знакомого – высокого молодого человека, в гражданской одежде, примерно тридцати лет. Шагал гражданский немного сбоку от вооружённых людей, но было видно, что он для них не посторонний, а, может быть, даже и начальник. Гордо поднятая голова и сосредоточенный взгляд, устремлённый куда-то за реку в направлении Болотного острова, наводили на мысль, что их обладатель выполняет в данный момент ответственное и скорее всего государственной важности поручение.

– Что за суета, любезный Никита Петрович, поведай. Кто-зачем едет-то? – обратился Степаныч учтиво к молодому человеку, который как раз в это время проходил мимо него.

Огородница уважительно посмотрела на соседа, оценивая знакомство.

– Государево дело, дяденька, – ответил молодой человек. – Слона идём встречать.

– Слона-а-а… – задумчиво протянул Степаныч и ещё хотел что-то спросить, но не успел. Его собеседник прибавил шагу и был уже далеко.

Забегая вперёд, хочу отметить, что этот молодой человек и будет главным героем нашей повести. Но до того, как я перейду к изложению его истории, позволю себе немного помучить вас, дорогой читатель, тем, что в литературе называется обстоятельствами места и времени.

Как это не странно, но в Москва-реке и сегодня водится рыба. Есть её, конечно, не рекомендуется, но летом 1664 года это была вполне добротная продукция, которая с успехом продавалась на Ленивом торжке (от слова торг). Маленький рынок сам собой организовался поблизости от Боровицкого холма на краю Ленивого оврага (или Ленивого Вражка, если следовать старинной московской лингвистической традиции). Есть версия, что название этого географического объекта произошло от Ленивой речки, течение которой было тихим и спокойным по сравнению с соседними непослушными ручьями – Чертороем и Сивкой, давшего имя знаменитой улице Сивцев Вражек. Но скорее всего, речка Ленивка, а потом и улица получили своё смешное название не от гидрологической характеристики оврага, а от извечной способности москвичей оперативно создавать торговые площадки в каждом подходящем для этого месте.

Ленивыми торгами в старину называли рынки, где торговля велась без установки стационарных ларьков и павильонов, а непосредственно с телег, повозок и просто с рук.

Незаметная сейчас московская улочка когда-то была частью большой дороги, соединяющей Рязань с Великим Новгородом. Там, где Ленивка упирается в реку, вначале был брод, потом появился наплавной мост, а затем и каменный. К моменту нашего повествования каменный мост ещё не построен, и корабли, гружёные всяческим товаром, причаливают неподалёку, чуть подальше от того места, где Неглинная река впадает в Москву.

Теперь надо рассказать о слоне.

Как вы уже знаете, это был русский слон номер два. Персидский шах Аббас тоже, кстати, записанный в летописи как Аббас Второй, подарил его русскому царю, пытаясь таким образом наладить хорошие отношения с северным соседом после одного неприятного инцидента. Незадолго до наших событий персидские войска напали и спалили дотла Сунженский острог – самый дальний форпост русского войска на Кавказе. По мнению восточного правителя, экзотическое животное должно было смягчить праведный гнев царя московитов.

Не сохранилось правдивых свидетельств, как слон добирался в Москву. Основным транспортным средством в XVII веке была лошадь. Но с трудом верится, что его из Персии привезли на конной повозке. Тем более, что слон, как и лошадь, сам прекрасно может двигаться пешком. Например, известно, что полководец Ганнибал использовал в военном походе против римлян боевых слонов. Однако историки утверждают, что из 34 животных, с которыми он пришёл к подножью Альпийских гор, на другую сторону живыми перебрались только 7, а следующую зиму пережил всего 1. Да и того использовали не в сражениях, а во время триумфальных парадов в поверженных городах.

Южнорусские степи – это, конечно, не Альпы, но и в путешествии по ним возникает масса проблем. Во-первых, слона надо кормить и поить. И хотя слон может питаться разнообразной растительной пищей: травой, свежими побегами растений, клубнями и даже корой деревьев; их надо где-то брать или возить с собой, для чего нужна большая телега и, наверное, не одна… Для справки: в современном зоопарке обычный слон съедает за день 2 мешка картошки, 3 килограмма лука и 90 килограммов сена.

Слон, как и любое живое существо, не может всё время двигаться. Ему надо отдыхать, спать и опять же – питаться. Средняя скорость равномерно шагающего слона – 6 км/час. Допустим, что каждый день он находится в пути 8 часов. Значит за сутки слон как суворовский солдат может преодолевать расстояние 50 километров. При этом надо не забывать, что он движется не один, с ним идут люди и лошади, которые тащат за собой телеги с провиантом, снаряжением и оружием. Времена-то неспокойный, мало ли лихих людей в диком поле бродит. Вот и выходит, что от Астрахани до Москвы (расстояние 1300 км) слону пришлось бы топать почти месяц. Кроме того, надо учесть, что слон – животное осторожное, скакать галопом и прыгать не умеет. Получается, что доставка ценного подарка к месту назначения своим ходом растянулась бы на два, а то и на три месяца с непредсказуемым результатом.

Скорее всего персидский шах отправил ценный подарок водным путём, каким издревле пользовались отчаянные русские купцы и путешественники. Тут и припасов с собой можно достаточно захватить и двигаться без остановки. Были бы попутный ветер в корму и крепкая бурлацкая артель с подменой. А там до столицы рукой подать: из Астрахани в Нижний Новгород по Волге, из Нижнего по Оке через Муром и Рязань до Коломны, а там по Москва-реке до самой Белокаменной – прямо к подножью Боровицкого холма.

Не соврал босоногий мальчишка: слон действительно плыл по реке и, повернув голову направо, с удивлением рассматривал высокие каменные стены и башни Московского Кремля.

Как мы уже знаем, человека, который спешит ему навстречу с почётным караулом стрельцов, зовут Никита – Никита Петрович Мамонтов. Ему недавно исполнилось 33 года – возраст, который для мужчины в христианском мире принято считать возрастом принятия важ-

ных решений. Женат. Имеет дочку Ирину, 5 или 6 лет. Работа постоянная – служит подьячим в Земском приказе. Должность для его возраста, образования и дворянского происхождения не сильно высокая, можно даже сказать, средненькая должность, но и на том спасибо, грех жаловаться. Высокие должности требуют большего усердия и налаживания близких отношений с начальством, а всего этого Никита не любит. Не считает нужным лишний раз прогибаться перед руководством. Оно, по его разумению, если уж так надо, само должно замечать хорошего работника и достойно наградить званием, денежным, вещевым, продуктовым и другими полагающимися служивому человеку довольствиями.

К сожалению, с размером довольствия у подьячего Мамонтова (как, впрочем, и у большинства государственных служащих) было не очень густо. На жизнь их маленькой семейке хватало, но, чтобы купить чего лишнего, для радости, или погулять широким столом на праздник, – тут приходилось денежки подсчитывать и накапливать.

Жили они в своём доме на Арбате в стрелецкой слободе. Дворянское звание предок Никиты получил на государевой службе у царя Ивана Васильевича в период реформ 1565 года, когда, как было сказано в высочайшем указе «Арбацкая улица по обе стороны и с Сивцовым Врагом, и до Дорогомиловского всполия отошла к опричному уделу».

Отец Никиты – Пётр Мамонтов погиб в звании стрелецкого сотника уже как десять лет тому назад под Смоленском в самом начале русско-польской войны. Матушка сделала всё, чтобы единственный сын не служил по военной линии, и через хороших знакомых пристроила его на гражданскую должность в Земский приказ. Этому немало способствовал давний приятель Петра, ещё с детских лет, Андрюшка Косолапов.

Повзрослевший Андрей Данилович был выборным целовальником от Кузнецкой слободы. Громкого титула не имел, но уважением в городской администрации и среди посадских жителей пользовался. Дом выстроил хороший и кое-какое состояние сколотил. Начав службу простым ярыжкой, он быстро поднаторел в поимке московских лихих людей, разбойников и татей, чем и прославился как среди честных обывателей, так и в кругах, близких к преступному миру столицы.

Говорили, что он был лично знаком с самим Алексеем Михайловичем, в подтверждение чему рассказывали две истории. По одной версии – он спас царя от дикого кабана на охоте, а по другой – самолично поймал и доставил в Разбойный приказ банду воров, нагло обчистивших Оружейную палату в Кремле. Немного выпив на престольный праздник (вином Андрей Данилович сильно не увлекался), он сам любил рассказать ещё какую-нибудь занимательную историю о своём знакомстве с представителями правящего класса России, каждый раз новую. Многие считали, что Косолапов всё выдумывает, но, когда вдова сотника Мамонтова похлопотала за сына, оказалось, что его не только лично знает, но и оказывает почтение сам Хитрово Богдан Матвеевич, боярин и царский окольничий, начальник Земского приказа. Кстати, Хитрово близко знал и Петра Мамонтова, с которым вместе сражался при осаде Смоленска, но в отличие от невезучего сотника остался жив и получил в награду от царя атласный кафтан на соболях, золотой кубок с крышкой и денежную премию в 80 рублей.

Так и стал Никита Мамонтов чиновником Земского приказа, а через несколько лет женился на дочке своего благодетеля – Елизавете Косолаповой, как только она в подходящий возраст вошла.

Сидеть к конторе приходилось долго. По царскому указу рабочий день подьячего длился 12 часов, а жалование платили на первых порах более чем скромное – всего 10 рублей в год. Хорошо хоть дополнение было хлебным и соляным окладом, да к празднику дьяк мог премию за усердие выписать или на одежду и сапоги подкинуть, или, не приведи господи, лечение оплатить. Но всё равно – маловато выходило. Почти половину жалования тратили на питание, а ведь ещё надо домашнее хозяйство в порядке содержать, да жену с дочкой одеть-обуть. А им сколько нарядов не покупай – всё мало, да к тому же модной иноземные одежды хочется.

Иногда случалась подработка – за кормовые деньги от челобитчиков: кому бумагу написать, кому дело помочь решить. Но и тут большую часть дохода дьяк забирал себе, несмотря на то, что его жалование и так в восемь раз больше, чем у Никиты. Почести и посулы, которые просители заносили в Приказ с челобитной – кто деньгами, а кто натуральным продуктом – тоже напрямую шли в сундук к дьяку. И ведь не боялся ничего, окаянный. Брал всё, сколько не дай. А ведь царь открытым текстом запретил вымогательство и скверные прибытки, а за посулы, связанные с нарушением законов, вообще приказал бить кнутом любого, не взирая на чины и звания.

Молодая жена в начале семейной жизни помалкивала, остерегалась мужа, но он имел характер мягкий, голоса на неё не повышал, не то чтобы ударить. А когда свекровь неожиданно умерла от сердечного приступа, и дочка подрастать стала, Елизавета почувствовала себя полноправной хозяйкой в мужнином доме. Стала покрикивать на Никиту, сравнивать с другими знакомыми ей подьячими, некоторые из которых и до 50 рублей жалования получали, и дела выгодные вели. Он пытался оправдаться, говорил, что его подсиживают, не подпускают к богатым клиентам. А она говорила: сам виноват, не можешь себя перед начальством в выгодном свете показать, вот семья и бедствует. Пора бы уже самому дьяком стать и другими командовать, а не быть у них на побегушках.

Никита обижался на такие слова и, чтобы не терять вида, начинал молча делать что-нибудь по хозяйству, демонстрируя занятость, а когда совсем невмоготу становилось, и погода стояла хорошая, уходил из дома, бродил целый день по городу, размышляя каким бы таким выгодным делом ещё заняться: или торговлю наладить, или ремеслу полезному выучиться. Колокола, например, можно лить или пушки для войска. Вон Андрей Данилыч рассказывает, что у них в Кузнецкой слободе на Пушечном мастеровые хорошо зарабатывают. Война с Речью Посполитой в Малороссии неизвестно ещё когда закончится. Говорят, наши весной в наступление пошли, разбили королевскую армию, а оружие заканчивается…

Так бы и тянулась постылая жизнь Никиты Петровича Мамонтова дальше в мечтах и размышлениях, если бы не произошло одно неожиданное событие, которое коренным образом изменило его жизнь. И случилось оно не далее, как вчера вечером, накануне того дня как мы увидели его первый раз, шагающим вниз по Ленивке к берегу Москва-реки.

***

Весна в этом году выдалась хорошая. С начала мая установилась тёплая погода. Два-три раза в неделю проливались короткие дожди, иногда с грозой, но без сильного ветра и града. Так что к концу июня московские рынки были завалены свежей зеленью, огурцами, молодой редиской и другими нехитрыми плодами, которые при правильном уходе и божьей помощи родит подмосковная земля.

После сытного обеда приятно посидеть одному в прохладе и сумраке приказной палаты. Срочных дел нет, начальства нет, сотрудники разбрелись кто-куда по двору: греются, прикрыв глаза, на солнышке или, собравшись небольшими группами, вполголоса обсуждают свежие городские сплетни. Никита примостился на сундуке в простенке между печью и шкафом с бумагами, задремал. Мягкая войлочная подстилка надёжно защищала снизу от кованых железных полос и заклёпок выпуклой крышки. Печь по причине летнего времени не топили, и узорчатые изразцы приятно холодили спину. Подошвы сапог упирались в дубовую стенку добротно сработанного канцелярского шкафа. Сидеть было хорошо и удобно.

Стукнула тяжёлая дверь. Кто-то вошёл. За печкой Никиту не видно, и пока не зовут, можно не показываться.

– Есть кто живой? – прокатился под сводчатым потолком зычный голос.

«Матерь божья, – подумал Никита, – это ж сам Богдан Матвеевич. Вот влип. Что делать-то? Отозваться или подождать? Авось пронесёт».

Но не пронесло.

Богдан Матвеевич Хитрово, боярин Земского приказа, постоял недолго в проходе между столами, обождал пока глаза привыкнут к полумраку и двинулся вперёд. Он медленно и тихо ступал кожаными подошвами мягких сапог по каменным плитам пола, деликатно обходил углы тяжёлых скамеек, обитых сукном тёмно-зелёного цвета, с древних времён почитаемого русскими чиновниками за солидность и строгость. Мимоходом заглядывал в недописанные бумаги, раскрытые деловые папки и учётные книги. Так школьный учитель прохаживается по классу между партами во время областной контрольной работы – следит, чтобы ученики не списывали и не подглядывали друг к другу в тетрадки, с той лишь разницей, что сейчас в пустом классе никого не было… Кроме, пожалуй, какой-то тёмной фигуры, притаившейся за печкой…

Никита понял, что его заметили, и поднялся.

– А вот и Мамонтов! Здравствуй, подьячий! Ты чего здесь делаешь?

– Служу, милостивый государь Богдан Матвеевич.

– Догадываюсь, что служишь. А за печкой что делал?

– Ничего… Бумага завалилась…

– Нашёл?

– Нет, государь, сундук тяжёлый, одному не сдвинуть. Подожду, когда товарищи с обеда придут.

– Важная грамота-то?

– Да нет. Чистый листок. Только писать приладился, а он выскочил и под сундук залетел.

– Выскочил, говоришь, – недоверчиво сказал начальник и наклонился, пытаясь заглянуть в щель под сундуком. – Ладно, выскочил так выскочил. Пускай пока там полежит, а у меня к тебе дело есть… – Он внимательно осмотрел Никиту с головы до ног, как будто проверял, всё ли у него в порядке с одеждой и, вероятно удовлетворившись, продолжил: – Сейчас к Алексею Михайловичу пойдём, нам с ним один указ обсудить надо. Другие бояре тоже подойдут, из других приказов. Ты чистой бумаги возьми побольше, чернил и перьев. Будешь протокол вести. Кто что говорить будет – записывай. Ясно?

– Чего уж тут неясного. Яснее не бывает. Когда выходим?

– Сейчас. Государь нас уже заждался, небось.

Совещание в Кремле закончилось довольно быстро. Бояре, переговариваясь между собой, неспешно покидали царские палаты. Никита складывал исписанные листы аккуратной стопкой и собирал в кожаный футлярчик письменные принадлежности, когда открылась невысокая дверца в стене сбоку от царского трона, и вошёл дежурный стрелец. Он доложил государю о срочном послании, его только что доставил гонец из Посольского приказа. Алексей Михайлович велел допустить посыльного. В грамоте, которую тот, поклонившись большим обычаем, протянул царю, говорилось, что подарочный персидский слон находится уже на подходе к столице и завтра днём прибудет в Кремль. Персидское посольство просит русское правительство подготовить встречу и назначить со своей стороны ответственного человека для приёма и обеспечения всем необходимым слона и сопровождающего его укротителя.

– Богдан Матвеевич, – обратился царь к Хитрово, – принимай подарок в своё хозяйство и человечка подходящего выдели.

– Слушаюсь, – ответил тот покорно. – Но не лучше ли, Государь, будет его по Посольскому приказу определить? Всё-таки подарок иноземный.

– У посольских места нет. Да и людишки там все какие-то яйцеголовые: по-аглицки или там по-персидски всё разумеют, а с русским мужиком об деле договориться не могут. Здесь нужен крепкий человечек, надёжный, чтобы и подходящие условия зверю обеспечил, и в корме перебоев не было. Говорят, персидскому слону много еды нужно. Да и убирать за ним не мало придётся, а то он, не приведи господи, всю столицу мне засерет.

Хитрово угодливо засмеялся, показывая, что оценил по достоинству августейшую шутку. Никита тоже улыбнулся и смущённо опустил голову.

– Ты, боярин, мне предложение подготовь на бумаге, а я подпишу. Чтобы ни у кого отказа не было.

– Когда прикажешь бумагу подать, Государь?

– Да хоть сейчас. Писарь у тебя с собой. Сейчас и пиши.

Никите не понадобилось дополнительных указаний. Он вытащил из стопки чистый лист бумаги, приготовил перо и чернильницу.

– Я, Государь, Царь и Великий князь Всея Руси, Алексей Михайлович, – начал диктовать боярин, – назначаю подателя сей грамоты… Какого чина, Государь, прикажешь назначить человечка? – спросил он.

– Полагаю, для такой должности особо родовитый не нужен, что-то попроще, но и не из мужиков, конечно… Подбери кого-нибудь из дворянских детей хорошего рода, чтобы и ему почётно было и послу персидскому не в обиду. На вид, чтобы статный был, не урод или калека. Да и по возрасту подходящий для дела: не отрок совсем, да и не старик. Вот типа этого, как писарь твой…

Царь ткнул в сторону Никиты указательным пальцем с длинным жёлтым ногтем. Кровавый рубин в массивном золотом перстне зловеще блеснул.

Никита вздрогнул.

– А что… Дельное предложение, – согласился Хитрово. – Пиши… Назначаю подателя сей грамоты, подьячего Земского приказа Мамонтова Никиту Петрова сына, государевым слонопасом…

– Кого? – переспросил писарь поперхнувшись.

– Тебя, сударь мой, тебя. Оглох что ли?

– Кем назначаю? – У Никиты неожиданно пересохло в горле, и последнее «чаю» он не произнёс, а с тихим шипением выдохнул.

– Слонопасом, – повторил Богдан Матвеевич и посмотрел на царя, ожидая поддержки, но тот молчал, уставившись в окно, всем своим видом показывая, что не царское это дело слова всякие сочинять, царское дело – их визировать. Не дождавшись одобрения, боярин пояснил: – Ну это значит смотрящий за слоном, навроде пастуха… Ты ж этого зверя, наверное, пасти будешь или выгуливать… как лошадь… Ну я не знаю, как такую должность по-другому назвать. Не нравится – сам придумай.

– За что? – выдавил с стоном Никита и бросился на колени. – Не губите, государи мои. Чем я провинился перед вами? Помилуйте! Избавьте от позора незаслуженного.

Он широко перекрестился гусиным пером, чуть не выколов себе глаз. Толстая чернильная капля мягко шлёпнулась возле его колена о каменную плитку пола.

– Встань, дурак! – гневно приказал Алексей Михайлович. – Какой ещё тебе позор?! Тебе царь милость оказывает. Самую ценную вещь свою доверяет. А ты, дурак, счастья своего не понимаешь. Может ты на слово неловкое обиделся? Так ты ж не просто слонопас, ты – государев слонопас! Чувствуешь разницу? А ваших болванов приказских не бойся. Они по любому поводу зубы скалить привыкли. Даже про меня крамольные шуточки рассказывают… Ничего… Посмеются и перестанут. Они ещё мечтать о такой должности будут и тебе завидовать.

Подписывая бумагу, царь с усмешкой посмотрел на Никиту, и сказал:

– Не горюй, служивый, и запомни: любое царское поручение во благо. Ты мне только слона подольше живым сбереги, а то подохнет ещё, не ровен час. Неудобно будет перед шахом, да и перед другими королями европейскими. Опять в своих газетах напишут, что русские делать ничего не умеют. Обидно… Кстати, у тебя для этой должности фамилия подходящая – Мамонтов. Откуда такое прозвание?

– Не знаю, государь, мы всегда Мамонтовы были. Батюшка сказывал, что это ещё со времён Ивана Васильевича Грозного повелось. Был у него в опричниках какой-то Ефим Мамонт, говорят, высокого роста и необычайной силы человек.

– Возможно, – согласился Алексей Михайлович. – Но я думаю, что тебе надо обратить свой взор к святому мученику Маманту Кесарийскому. Хорошо умел с животными обходиться. Говорят, даже разговаривал по-ихнему. Его язычники убили… Видать, Мамонтов, судьба у тебя такая – слона пасти.

Когда боярин с Никитой вышли из царского дворца, начальник принялся ругать бестолкового подчинённого:

– Правильно государь дураком тебя обозвал. Дурак, ты и есть дурак. Я тебе такую должность смастерил на пустом месте, а ты: помилуй, царь-батюшка… не губи… Тьфу. Противно слушать.

– Да я подумал, что вы посмеяться надо мной решили.

– Кто ж над царскими поручениями смеётся, дубина. К тому же, слухи ходят в Кремле, что у него в этом вопросе особый стратегический интерес имеется…

– Какой?

– Войско хочет реформировать… Война с Польшей затянулась – заканчивать пора. Надо бы решающий удар нанести, но вооружений маловато… Ты вот про Ганнибала слыхал?

– Нет.

– Был такой древний полководец. Воевал с римлянами. Так вот у него в войске был целый отряд боевых слонов. Смекаешь?

– Нет.

– А уж пора бы научиться своим умом думать. Ты что – вечно собрался в подьячих сидеть на мизерном жаловании, да от пера кормиться?

– Я думал, государь, что мне должно повышение за долгую службу сделаться.

– Думал… Петух, знаешь, тоже думал – да в щи попал. Повышение само собой не делается, его пробивать надо. А я тебе сейчас такой шанс дал. Любо-дорого.

– В чём же шанс-то, Богдан Матвеевич, не пойму я этого.

– Как в чём? Бестолочь. Всё-то тебе разъяснять надо. Вот смотри: ты через некоторое время со слоном научишься обращаться, будешь знать чем его кормить, как им управлять. Персиянина, который сейчас при слоне состоит, – домой отправим. Зачем он нам, если у нас свой слонопас будет? Персидский шах в нашем войске шибко заинтересован: он с османами воевать намерялся, и ему сильный союзник на севере нужен. Если будет с нами и дальше дружить, то нашему государю ещё слонов пришлёт. У них в Персии да в Индии их полным-полно, как зайцев в Лосином острове. Вот мы и ударим тогда всей этой мощью по русским недругам… А кто тогда штурмовым слоновьим отрядом командовать будет?

– Кто?

– Ты что действительно дурак или претворяешься?! Ты, конечно, кто же ещё! Один слон – это так – игрушка. А десять слонов – уже ударный батальон. Тридцать слонов – полк. И ты – его полковник! Чем плохо, скажи? Да с такой силой нам никто не страшен, хоть поляки, хоть литовцы, хоть османы басурманские. А доведётся и шведов разобьём. У слона шкура толстая, как броня, его не то что пика или пуля, его пушечным ядром не пробьёшь… Если только не из нашей Царь-пушки шарахнуть… А такой пушки кроме нас ни у кого нет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.